

Амгаланова М. В.
M. V. Amgalanova

БУРЯТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В 1920-Х ГОДАХ

BURYAT INTELLECTUALS AND THE IDEOLOGY OF NATIONAL CULTURAL POLICY IN THE 1920 YEARS

Амгаланова Мария Викторовна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Восточно-Сибирского государственного института культуры (Россия, Улан-Удэ). E-mail: amgalanova@rambler.ru.

Ms. Maria V. Amgalanova – PhD in Culture Studies, Associate Professor, Culture Studies and Study of Art Department, East-Siberian State Institute of Culture (Russia, Ulan-Ude). E-mail: amgalanova@rambler.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды и деятельность бурятской интеллигенции по вопросам культурного строительства в республике в 1920-х годах. Этот период был плодотворным в контексте национального возрождения, в создании национальной автономии, формировании социалистической культуры. Однако становление бурятской культуры характеризовалось сложными и противоречивыми процессами формирования нового социокультурного пространства, новой идеологии, нового человека. С одной стороны, в короткие сроки была ликвидирована неграмотность, были созданы системы народного образования, здравоохранения, охраны материнства и детства, были сформированы отрасли профессиональной художественной культуры. С другой – столкновение «старой» и «новой» культур, отрицание культурного наследия. Такая политика являлась следствием не только приверженности бурятских лидеров национальным культурным традициям, но и отражала тенденцию отсутствия единой позиции со стороны правящей элиты по национально-культурному строительству на начальном этапе становления советского государства.

Summary. This article is devoted to the activities of Buryat intellectuals concerning the cultural construction in the Republic in the 1920s. This period was productive in the aspects of national revival, in the creation of national autonomy, the formation of socialist culture. However, complicated and contradictory processes in forming new socio-cultural space, new ideology, and a new man characterized The Buryat culture development. The systems of national education, health protection, protection of maternity and childhood were created, industries of professional art culture were formed. On the other hand, there was the clash of «old» and «new» cultures and the denial of cultural heritage. Such policy was a consequence not only of the adherence of Buryat leaders to national cultural traditions, but it also reflected the tendency of the lack of a unified position on the part of the ruling elite concerning national and cultural construction at the initial stage of the Soviet state formation.

Ключевые слова: социалистическая культура, бурятская интеллигенция, идеология, культурное наследие, реформа письменности.

Key words: socialist culture, Buryat intellectuals, ideology, cultural heritage, literacy reform.

УДК 930.85(571.54)+316.343.725

В отечественной историографии весьма полно в конкретно-историческом контексте раскрыта проблема отношений власти и интеллигенции, характеризующая сложнейшую, полную контрастов и противоречий эпоху. Представители бурятской интеллигенции, будучи непосредственными участниками бурных революционных событий, «прошли большую жизненную, политическую школу, приобрели определенный опыт, получили возможность в этих сложных условиях выработать свои политические взгляды, направление и характер практических действий» [1, 193]. Среди всех сибирских этносов она отличалась не только численностью, но и образованностью [1, 73]. Это была целая плеяда блестящих европейски образованных людей с государственным мышлением, широким кругозором и творческой энергией, получивших признание в России и за рубежом:

А. Доржиев, Б. Барадин, М. Богданов, Ц. Жамцарано, Г. Цыбиков и др. В политико-идеологическом плане бурятская интеллигенция «испытывала весь спектр бурлящей стихии. В их взглядах находили отражение и идеи умеренных буржуазных реформаторов, и анархистов, и сторонников большевиков» [1, 172].

Бурятская интеллигенция в целом приняла советскую власть и стала активно участвовать в строительстве социалистической культуры. Сложность заключалась в том, что их политические позиции и взгляды по вопросам национально-культурного строительства расходились с официальным курсом. Это усугублялось тем, что большинство представителей дореволюционной интеллигенции не принадлежало партии большевиков. Идеологи Октябрьской революции, а затем и советская научная мысль нетерпимо относились к «непролетарской» деятельности интеллигенции. Поэтому политические взгляды, отношение к революции, деятельность по созданию национальной автономии и по включению в «новую» культуру элементов «старой господствовавшей» культуры позднее квалифицировались как контрреволюционные и буржуазно-националистические.

Большевики правомерно полагали, что доктрина национализма была глубоко укоренена в общественно-политической мысли Бурятии, поэтому они начали вести идеологическую борьбу с тем, что, по их мнению, являлось темным наследием прошлого и, следовательно, мешало построению новой культуры. Ожесточенная идеологическая борьба развернулась вокруг культурного наследия. Проблемы реформы письменности и литературного языка, использование буддийского и шаманского культурного наследия вызывали бурные дискуссии. Реформирование письменности стало одним из остро-политических вопросов. По этой проблеме имелось три различных позиции. А. Бадмаев считал, что западные буряты уже ассимилировались с русским населением, поэтому путь к социалистической культуре должен идти через русский язык и культуру. Создание национальной письменности на латинице (Б. Барадин) было поддержано руководством советского государства «в качестве низовой инициативы, прежде всего местными национальными лидерами, как правило, обладавшими большим авторитетом» [3, 106].

Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Г. Цыбиков возможность возрождения бурятского народа и бурятской культуры видели в преждевременности коренного изменения старомонгольского алфавита, предлагая его частичное изменение и усовершенствование орфографии. Свой выбор они обосновывали близостью национальным традициям. По мнению Ц. Жамцарано, каждая народность «имеет право и должна проявить свой национальный дух, свою индивидуальность, свое культурное творчество; имеет право и должна свободно распоряжаться своими внутренними делами и устраивать свою духовную и материальную жизнь» [6, 16]. Г. Цыбиков, резко выступая против введения нового алфавита на латинской графике, писал: «Сохранившаяся до сих пор монгольская письменность, каковой бы она ни была (все же наследие культуры данной национальности), имеет за собой ту заслугу, что разрозненные историческими судьбами монгольские племена имеют все же единую литературу, и для дальнейшей работы с монгольской литературой, не разрывая связи с ней и не отставая от требований новой культурной жизни, идущей из Европы через СССР, необходимо сделать некоторые реформы письма» [11, 17]. Эта позиция вызвала резкую критику со стороны правящей элиты, поскольку понималась как признак политической отсталости и проявление национализма.

С культурно-исторической точки зрения переход на новую графическую систему означал разрыв с культурным наследием, поскольку «разрозненные историческими судьбами монгольские племена имеют все же единую литературу. Круто рвать с этой литературой не следует, пока она не изучена и не использована в полной мере» [11, 25]. Но уже в 1929 году в ответ на критику Ш. Ибрагимова Г. Цыбиков отмечает: «Я слишком переоценивал литературный монгольский язык и его письменность как единственное орудие усвоения массой культуры в данный переходный момент. Революционные сдвиги на Востоке заставили меня отказаться от этого взгляда, что я сделал уже в печати» [12, 54]. Возможно, он сам понимал необходимость проведения радикальной реформы, которая была бы в состоянии обслуживать множество живых наречий и диалектов. Но в последовательном отстаивании старомонгольской письменности нам видится лишь желание ученого-

востоковеда сохранить национальное мирознание, отражением которого является язык и письменность.

Бурятская интеллигенция в разработке программы национально-культурного строительства особенное место отводила элементам религиозной культуры: буддизму, который являлся основной формой социализации населения, и шаманизму. Б. Барадин, стоявший у истоков создания бурятской национальной литературы, теоретической и практической разработки бурятской письменности и литературного языка, занимался вопросами национальной поэтики. Он полагал, что «шаманская поэтика бурят-монголов должна сыграть исключительную роль в области выработки художественно-языкового, литературного стиля и в области сценического искусства, музыки и пения» [4, 3]. П. Дамбинов – один из первых бурятских поэтов – также отмечал необходимость изучения бурят-монгольского шаманизма с точки зрения его художественной ценности. «До сих пор заклинания шамана представляются каким-то бессмысленным иступлением. Между тем, сколько здесь поэзии, сколько чувств и переживания, как мастерски, порою тонко музыкально – в начале и в конце строки – срифмованы стихи!» [10, 247]. Ц. Жамцарано, Б. Барадин занимались научной деятельностью по сбору шаманского фольклора, внося тем самым значительный вклад в науку, а их заслуги были высоко оценены научным сообществом России. При этом они достаточно критически относились к шаманизму и его культам, негативно оценивали его влияние на простой народ, лишь признавали за шаманами наличие высокого поэтического мастерства длинно и красиво говорить. Ц. Жамцарано характеризовал шаманство как религию без идеалов, морали и философии, а возникновение различных течений и культов внутри шаманизма полагал основополагающим признаком поиска бурятами новой религии. «Одна только пословица – “худший из людей делается шаманом” – показывает, что народ уже перерос свою религию и произнес над ней свой безвозвратный приговор» [6, 20].

Возможности использования буддийского культурного наследия в строительстве социалистической культуры также были достаточно острыми. Так, П. Дамбинов в докладе «Вопросы национально-художественного строительства и перспективы его развития» на совещании работников культурного строительства в 1930 году прямо останавливался на необходимости художественно-творческого освоения элементов дацанского искусства: живописи, скульптуры, архитектуры, орнамента и т.д. Но это расценивалось как стремление «направить процесс художественного творчества по антинародному, клерикально-буддийскому руслу». В контексте идеологического дискурса участвовавшие в строительстве национальной по форме и социалистической по содержанию бурятской культуры в отношении этой проблемы были разделены на группы. К одной отнесли тех, кто предлагал использовать лишь «технические достижения» буддийской культуры, т.е. применять имеющийся разработанный веками канон. Б. Бадрино, Ж. Батоцыренова, П. Дамбинова, Р. Ершина, Д. Иванова и других критиковали, что «тезисом заимствования технических достижений дацанского искусства фактически подменялось понятие национальной формы, т.е. ставился знак равенства между дацанщиной и национальной формой» [7, 20]. Полагалось, что таким образом ограничивается возможность использования демократических форм традиционной культуры и влияния передовой социалистической культуры народов России, а освоение буддийского культурного наследия современную Бурятию отождествляет с феодально-теократическим Тибетом и дореволюционной Монголией.

К другой, более реакционной группе были отнесены представители дореволюционного религиозно-философского течения «обновленчества»: Ц. Жамцарано, Б. Барадин и другие, которые стояли на позициях максимального включения буддийского наследия в «новую» культуру. Однако в соответствии с задачами преобразования общества, строительства нового государства и формирования нового типа личности религия и духовенство воспринимались как способ эксплуатации и угнетения трудящихся, как возможность сохранения их господства. В связи с этим большевиками утверждалось, что ламаизм состоит на службе у российского империализма, следовательно, религия и духовенство должны были быть неизбежно устранены из общественной жизни. Жесткой партийной критике подверглись не только служители культа, но и бурятские общественные деятели, положительно оценивавшие буддизм. В тезисах пленума (май 1925 года) Бурят-Монгольского

обкома партии утверждалось, что «точку зрения некоторой части бурятской национальной интеллигенции, по которой дацаны признаются единственными культурными центрами Бурятии, должностными пользоваться со стороны правительства Буреспублики всемерной поддержкой, партия должна решительно отвергнуть» [9, 52].

Мысли обновленцев по вопросам культурного возрождения бурятского народа в контексте борьбы «с исправлениями линии национально-культурного строительства» были подвержены острой критике в начале 1930-х годов в первую очередь за отрицание классового характера и антинародной сущности феодально-клерикальной и буржуазной культуры. Идеологическая установка гласила, что «развитие новой культуры бурятского народа они хотели направить по пути феодально-теократической культуры Востока» [9, 232]. Главным результатом национального строительства должна была стать именно социалистическая бурятская культура. «Таким образом, хотя в программе нациостроительства коммунистов и подчеркивалось стремление к созданию отдельных и самостоятельных “наций”, однако основное ее содержание заключалось в том, чтобы наполнить эти нации “социалистическим содержанием” даже в ущерб “национальной специфике”, которая могла подвергаться репрессиям» [5].

В ходе антирелигиозной кампании, проводимой по всей стране, предложения о необходимости специального изучения буддийского искусства, использования шаманской поэтики, вовлечения творцов дацанского искусства в процесс национально-художественного строительства не встретили положительного отклика со стороны властей. Тем не менее летом 1927 года Бурят-Монгольским ученым комитетом была организована уникальная и единственная экспедиция по дацанам Бурятии, результатом которой стала рукопись П. Дамбинова и Р. Мэрдыеева «Об искусстве бурятских дацанов». Неопубликованная рукопись сегодня имеет несомненную историческую и культурную ценность, она написана замечательным языком тонких ценителей искусства. Известный писатель и начинающий художник представили буддийский дацан как сокровищницу культурного наследия бурятского народа, хранящую все виды искусства: архитектуру, живопись, театр, музыку, литературу. В ходе антирелигиозной кампании многое было уничтожено, поэтому в этой рукописи сохранилось описание того, что навсегда было утрачено.

Однако большевики не выступали против этнонациональной специфики бурят и бурятской культуры, предлагая из культурного наследия отбирать только «подлинные народно-демократические» элементы и формы, к которым относили традиции устного народного творчества. Кроме того, советской властью в кратчайшие сроки была сформирована социокультурная среда (школы, музеи, клубы, библиотеки, театры), осуществлена работа по подготовке национальных кадров культуры (актеры, режиссеры, композиторы, писатели и т.п.). Также особенное внимание уделялось «стимулированию символических маркеров национальной идентичности: национального фольклора, музеев, одежды, еды, костюмов, оперы, поэзии, культа прогрессивных исторических событий и классических произведений литературы» [8, 72].

Однако политическая работа в республике, несмотря на нараставшую репрессивную политику в стране, в 1936 году получила высокую оценку руководства, когда бурят-монгольская делегация была принята Сталиным, Калининым, Молотовым и другими. Ситуация изменилась после ареста в Ленинграде в 1937 году группы «служителей буддийского культа Ленинградского дацана, служащих Тибетско-Монгольской группы, а также видных общественных деятелей, ученых Бурят-Монголии» [2, 72-73]. Согласно справке 3-го отдела УНКВД Ленинградской области, контрреволюционную шпионско-повстанческую организацию возглавляли А. Доржиев и Ц. Жамцарано, а Б. Барадин, Л.-Г. Гомбоин, О. Будаев, Ц.-Д. Абидуев, Л.-О. Одонов были ее активными участниками, проводившими «работу по подготовке восстания в Бурятии с целью свержения Советской власти и объединения МНР и Бурятии в единое государство» [2, 73]. С этого момента деятельность национальной интеллигенции стала оцениваться как воинственно-контрреволюционная, антисоветская и антибольшевистская. До конца 1980-х годов имена Ч.-Л. Базарона, Б. Барадина, Ж. Батоцыренова, Д. Дашинамаева, Ц. Дондубона, Ц. Жамцарано, Н. Занданова, Д.-Р. Намжилона, Э.-Д. Ринчино и других, даже после реабилитации конца 1950-х годов, продолжали оставаться под негласным запретом и упоминались большей частью в негативном плане с эпитетами «буржуазные

националисты», «трубадуры буржуазии», «панмонголисты», а их произведения не публиковались и не изучались.

В течение трех последних десятилетий российскими учеными и публицистами проделана значительная работа. В научно-исследовательский дискурс были введены архивные данные, составлены мартирологи репрессированных, проведены конференции и т.п. Основной целью этой работы стала попытка объективного исследования репрессивной политики советского государства, а главное – восстановление и возвращение в научно-образовательный процесс изъятых в ее ходе из научного и творческого оборота имен деятелей культуры и науки и их творческого наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров, Б. В. Бурятские национальные демократы и общественная мысль монгольских народов в первой трети XX века / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 377 с.
2. Базаров, Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920 – 1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии / Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – 193 с.
3. Базарова, В. В. Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920-х – 1930-х гг. / В. В. Базарова // Власть. – 2012. – № 8. – С. 106-110.
4. Барадин, Б. Б. Вопросы сценического искусства бурят-монголов / Б. Б. Барадин. – Верхнеудинск, 1925. – 31 с.
5. Бурятская идентичность в контексте социокультурной модернизации (советский период) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/buryat2/index.html (дата обращения 03.09.2017).
6. Жамцарано, Ц. Бурятское народническое движение и его критики / Ц. Жамцарано // Сибирские вопросы. – 1907. – № 24. – С. 15-20.
7. История бурятской советской литературы. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. – 473 с.
8. Мартин, Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? [Электронный ресурс] / Т. Мартин. – Режим доступа: <https://muse.jhu.edu/article/559563/summary> (дата обращения 17.10.2017).
9. Очерки истории Бурятской организации КПСС: сб. докладов / под. ред. Г. Д. Басаева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 226 с.
10. Туя, С. О бурят-монгольском эпосе и шаманской поэзии / С. Туя // Сибирские огни. – 1923. – № 5-6. – С. 246-248.
11. Цыбиков, Г. Ц. Монгольская письменность, как орудие национальной культуры / Г. Ц. Цыбиков // Бурятское изучение. – 1926. – № 1-3 (5-7). – С. 11-27.
12. Цыбиков, Г. Ц. О новом бурят-монгольском алфавите / Г. Ц. Цыбиков // Бурятское изучение. – 1929. – Вып. 5. – С. 54-57.